

The book cover features a large, ornate pocket watch as the central element. The watch's face is a circular window into a vibrant seascape with blue waves, a golden sun, and a small boat. The watch is surrounded by various mechanical details like gears and pendulums. In the background, a coastal town is visible through an archway, and seagulls fly across the sky. The overall style is a detailed, painterly illustration.

МОРЕ

ВНУТРИ
ЧАСОВ

ИИ

Барвара Лунная

Варвара Лунная

Море внутри часов

<https://litres.ru/74669019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если порядок, которому вы доверяли, больше не спасает? Часовщик Елисей Воронцов находит в старинных часах настоящий океан: приливы, остров из прошлого и голос с другого берега. Чем упорнее он пытается остановить необъяснимое, тем сильнее штормит его мастерскую — и жизнь.

Это магический реализм о непроговорённой боли, памяти и утрате. Елисей учится не спешить с выводами, отличать увиденное от догадок, слушать и принимать помощь. Ведь отпустить — не значит забыть, а принять прошлое — не значит перестать любить.

Для тех, кто устал всё контролировать и ищет бережную историю о переменах. Вместе с Елисеем вы увидите: честное внимание к себе помогает пережить шторм и сделать следующий шаг, не оставаясь с ним в одиночку.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Мастерская, где часы отставали	5
Часы без имени	14
Первый прилив под стеклом	26
Шестерня, которой не было на чертеже	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Варвара Лунная

Море внутри часов

Море внутри часов

Варвара Лунная

Мастерская, где часы отставали

Елисей Воронцов повернул заводной ключ на четверть оборота и прислушался.

Внутри карманных часов что-то тихо щёлкнуло. Баланс заколебался, стрелка дрогнула, и механизм снова пошёл. Елисей положил часы на зелёное сукно, подвинул к себе настольную лампу и сдул с пальцев латунную пыль.

В мастерской пахло машинным маслом, старым деревом и пылью, которая годами собиралась в самых терпеливых местах. Тикали часы. Сотни маленьких механизмов вели каждый свой разговор: один отсчитывал секунды резким щелчком, другой ворчал низко и хрипло, третий звучал так тихо, словно извинялся за то, что вообще работает. Вместе они складывались в оркестр, которому не требовался дирижёр.

Елисей умел различать этот хор с закрытыми глазами. По одному звуку он мог сказать, где пересохло масло, где ослабла пружина, где колесо задевает корпус. Чужие неисправности он замечал быстро. С собственными делами предпочитал не возиться.

В восемь утра он снял с крючка тёмное пальто, запер мастерскую и пошёл на площадь. Так он делал каждый день, если только дождь не превращал улицу в длинную лужу. На башне ратуши висели городские часы. Елисей доставал карманные, ждал удара колокола и сверял стрелки. Потом воз-

вращался в мастерскую и выставлял на стене часы, на полках, в витрине и на маленьком столике у двери.

Жители давно привыкли сверять дела по его витрине. Булочник открывал ставни, когда большая стрелка проходила над цифрой двенадцать. Почтальон заглядывал к окну, прежде чем отправиться на дальние улицы. Даже городской староста однажды признался, что больше доверяет часам Воронцова, чем башенным: у тех, по его словам, был слишком важный вид.

Елисей принимал это как комплимент. Он не уточнял, что к вечеру городские часы снова оказывались впереди.

Впервые он заметил странность после того, как вернулся с площади в особенно ясный апрельский день. В восемь утра все механизмы шли минута в минуту. К шести вечера каждый из них отстал ровно на пять минут. Не на четыре, не на шесть. На пять.

На следующий день он повторил проверку. Потом ещё раз. Перебрал пружины, очистил зубчатые колёса, заменил два маятника. Ничего не изменилось. Даже дешёвый будильник с красным колпачком, который обычно спешил так, словно ему не терпелось куда-то уехать, к вечеру опаздывал на те же пять минут.

Елисей записал результаты в тетрадь. Записывать было разумно. Так он объяснял себе, почему упрямо повторяет опыт, у которого уже известен итог.

Улица за окном тоже будто жила с небольшой задержкой.

Сначала на площади звонил колокол, потом люди поднимали головы. Сначала проезжала телега, потом из лавок выглядывали хозяева, чтобы посмотреть, кто так громко гремит. Иногда казалось, что весь город сначала получает известие о событии, а уже после решает на него отреагировать.

Елисей не придавал этому значения. Города вообще редко действуют в точности так, как им полагается.

В тот день Павел-булочник вошёл в мастерскую, не сняв с плеча полотняный мешок. На рукавах у него белела мука, а лицо было красным от холода и досады.

— Опять ваши часы, Воронцов.

— Доброе утро, Павел.

— Оно было добрым, пока я не опоздал на встречу.

Булочник положил на верстак карманные часы. Крышка была раскрыта, стрелки замерли на без пяти восемь.

— Я посмотрел на них, когда вышел из пекарни, — сказал Павел. — Решил, успею занести корзины на склад и всё равно буду вовремя. А на ратуше уже пробило восемь. Мельник подождал минуту и ушёл.

— Он мог подождать две.

— Мог. Не захотел. И я его понимаю. Деловой человек, а не колокол.

Елисей взял часы. Механизм остановился не от сильного удара и не от поломки. Под балансир попал тонкий ворс. Он открыл заднюю крышку, снял мост, осторожно убрал соринку пинцетом. Движения его были точными и спокойными,

будто Павел принёс не испорченные часы, а крошку хлеба на блюде.

— Вы их заводили? — спросил Елисей.

— Каждый вечер. И каждый вечер они исправно показывают мне, что завтра всё будет хорошо.

— Значит, в этом они не виноваты.

Павел фыркнул.

— Это ты говоришь, потому что у тебя они все виноваты понемногу.

Елисей не ответил. Он не спросил, почему часы снова остановились, хотя за последний месяц они бывали у него уже трижды. Не спросил, куда Павел так торопился. Не спросил, зачем тот продолжал доверять механизму, который раз за разом подводил его в самый неудобный момент.

Он почистил ось, капнул масла и вернул крышку на место.

— Попробуйте.

Павел приложил часы к уху. Секундная стрелка двинулась.

— Пошли, — сказал он. — А сколько?

— Сколько что?

— Сколько сейчас?

Елисей взглянул на стенные часы. Те, конечно, показывали время на пять минут позже, чем башенные. Он мог бы назвать точную минуту. Мог бы и сказать, что Павел пришёл не настолько поздно, чтобы считать встречу потерянной.

— Без пяти девять, — ответил он.

Павел посмотрел на механизм в своих руках, словно тот мог дать более полезный совет.

— Вот видишь. Всегда как будто ещё есть время.

Он убрал часы в карман и потянулся за мешком.

Эти слова на несколько секунд задержались в мастерской дольше, чем сам булочник.

Елисей снова увидел вокзальный перрон. Не целиком, не ясно, а отдельными частями: мокрые доски, дым над паровозом, воротник отцовского пальто. До отправления оставалось пять минут. Отец спросил, не хочет ли Елисей ему что-нибудь сказать.

Елисей хотел. Он хотел спросить, почему отец решил уехать, и сказать, что сердится. Вместо этого посмотрел на станционные часы и ответил:

«Потом».

Отец кивнул. Поезд ушёл. Ничего внезапного не случилось: никто не умер на перроне, никто не исчез в тумане. Просто после отъезда письма стали короче, потом приходили реже, а со временем оба привыкли откладывать разговор, который когда-то казался срочным.

Елисей не называл это сожалением. Сожаление требовало, чтобы на него смотрели. Он предпочитал точные слова: письмо не отправлено, звонок не сделан, пружина заменена. С такими словами можно было работать.

Он повернул часы Павла в руке и услышал, как механизм отсчитывает секунды.

— А мои теперь точно? — спросил булочник у двери.

— Пока да.

— Вот и хорошо. В следующий раз постараюсь опоздать по собственной вине.

— Это будет сложнее починить, — сказал Елисей.

Павел рассмеялся и вышел. Колокольчик над дверью звякнул, когда он переступил порог, и ещё раз — когда Павел уже оказался на улице. Так случалось в ветреную погоду. Или Елисею просто хотелось считать, что так случается.

Он вернулся к работе. До полудня успел заменить пружину в дорожном хронометре, поправить кукушку в дубовых часах и объяснить пожилой даме, почему её будильник не должен звонить в тот момент, когда она только ложится спать. В мастерской всё продолжало тикать. Чужие часы приходили неисправными, а уходили с обещанием вести себя лучше.

После обеда Елисей услышал, как тяжёлый шкаф у верстака скрипнул и качнулся. Он давно собирался подложить под короткую ножку деревянную щепку. Шкаф был старый, широкий, набитый футлярами и инструментами. Передвинуть его одному было неудобно, но оставить всё как есть оказалось ещё неудобнее: дверца снова зацепилась за край стола.

Елисей вынул из кармана складной рычаг и осторожно приподнял шкаф. Тот сдвинулся на ладонь. Под ножкой что-то хрустнуло.

Половица прогнулась, поднялась по краю и осталась стоять под наклоном.

— Ну конечно, — сказал Елисей. — Сегодня у всех свой ход.

Он отодвинул шкаф ещё немного, взял тонкое долото и поддел доску. Половица подалась без сопротивления. Под ней обнаружилась узкая полость. Не глубокая, но достаточно просторная, чтобы спрятать небольшой ящик или свёрток.

Елисей наклонился. В темноте под досками что-то тускло блеснуло.

Он включил лампу и направил свет в щель. Там лежал продолговатый корпус, обёрнутый в выцветшую ткань. Елисей осторожно поднял его, отряхнул пыль и положил на верстак.

Вещь оказалась тяжелее, чем выглядела. Снаружи — тёмное дерево с потёртыми углами и узкой латунной окантовкой. На задней крышке не было ни клейма мастерской, ни номера, ни бирки. Не осталось даже светлого прямоугольника, где когда-то могло висеть имя владельца. Лишь неглубокие царапины и следы времени.

Елисей провёл пальцем по крышке.

Он чинил старые часы всю жизнь. Некоторые из них были совсем простыми, другие могли похвастаться механизмами тоньше волоса. Он умел определять возраст корпуса по дереву, работу мастера — по расположению винтов. Но этот механизм не подсказывал ничего. Он не узнавал ни школу,

ни страну, ни назначение. В нём было что-то знакомое и в то же время неуместное, словно Елисей обнаружил у себя в мастерской вещь, которую никогда не видел, но давно ждал.

Он положил корпус на ткань и осмотрел замок. Тот не поддавался. Елисей достал маленький инструмент, но остановился, не вставив его в щель. Сначала следовало проверить заднюю крышку, потом изучить крепления. Обычная работа. Никакой причины торопиться.

В комнате тихо переговаривались часы.

Снаружи на площади ударил колокол. Елисей посмотрел на настенные часы. Они отставали ровно на пять минут. Он знал это, даже не сверяясь с тетрадью.

Елисей наклонился над старинным корпусом, решив сперва понять, работает ли внутри механизм. Приложил ухо к закрытой крышке и замер.

Он не услышал ни щелчка, ни ровного тиканья.

Изнутри донёсся дальний прибой.

Звук был тихим, но ясным: волна накатывала на берег и отступала, оставляя после себя долгий шорох. Елисей отнял голову. В мастерской ничего не изменилось. Часы продолжали тикать, лампа гудела, за окном проехала телега. До моря от города было далеко, намного дальше, чем мог донести ветер.

Он снова приложил ухо к корпусу.

Прибой повторился.

Елисей выпрямился и посмотрел на дверь. Павел уже

ушёл. На улице никто не задерживался у окна. Никто не мог услышать, что происходило внутри старого механизма.

Он завернул корпус в ткань и положил его на край верстака, подальше от инструментов. Потом вернулся к работе, хотя несколько раз ловил себя на том, что прислушивается не к часам, а к паузам между их ударами.

В тот вечер он не записал в тетрадь ни слова о находке. Никому не рассказал о звуке. Даже когда закрыл мастерскую, ему показалось, что он оставляет внутри не просто незнакомые часы, а вопрос, который давно ждал своего часа.

Наутро Елисей снова собирался сверить механизмы с городскими часами. Он по-прежнему знал, что к вечеру они отстанут на пять минут.

Но теперь он впервые подумал, что, возможно, не всякую задержку нужно исправлять сразу.

Часы без имени

Наутро Елисей сверил часы мастерской с городскими. Разница, как и ожидалось, составила пять минут.

Он записал показание на обрывке бумаги, но не взялся сразу подкручивать ход. Оставил лист возле окна и вернулся к верстаку. Накануне он впервые позволил себе не исправлять то, что повторялось изо дня в день. Сегодня ему хотелось выяснить, что именно он нашёл под половицей.

Сняв ткань, он поставил механизм на чистую подкладку. Потемневшая бронза тускло блеснула. Корпус был круглый, чуть больше обеденной тарелки, с тонкой гравировкой по ободу. На месте циферблата лежала гладкая стеклянная пластина: ни стрелок, ни цифр, ни знака мастера. За стеклом теснились шестерни и мосты, сложенные так плотно, будто внутри не оставили ни одного лишнего миллиметра.

Елисей достал рабочий журнал и открыл новую страницу. «Предположение: морской хронометр».

Он перечитал запись, нахмурился и зачеркнул слово «предположение». Потом написал: «Похоже на морской хронометр». Это уже было честнее, но всё ещё говорило о его догадке, а не о часах.

— Начнём с того, что есть, — произнёс он вслух.

В мастерской от этого стало немного спокойнее.

Он принёс каталоги, которые хранил в нижнем шкафу:

заводские издания, торговые справочники, старые альбомы с чертежами. Перелистывая страницы, Елисей чувствовал привычное удовлетворение. Загадка, если разобрать её на составляющие, рано или поздно переставала быть загадкой. Оставались размеры, форма зубьев, способ крепления, следы инструмента. Всё то, чему можно дать имя.

Он проверил число зубьев на доступных колёсах, сравнил расположение мостов с чертежами морских часов, затем перешёл к карманным регуляторам и астрономическим приборам. В одном каталоге нашёл механизм с похожим барабаном. В другом — похожую пружину. Но ни один чертёж не совпадал целиком. У найденных часов не было ни обычного спускового узла, ни привычного места для циферблата. Даже заводная ось, если она вообще существовала, не поддавалась поиску.

В полдень Елисей снял увеличительное стекло и потёр переносицу. На краю стола лежали раскрытые книги, рядом — лупа, штангенциркуль и листы с быстрыми схемами.

Он переставил одну из схем поверх механизма. На секунду детали сложились в знакомый рисунок: барабан, анкер, передача, мост. Почти как у морского хронометра, только чуть иначе. Елисей поднял лист, посмотрел ещё раз и понял, что «чуть иначе» здесь означало почти всё.

В дверь постучали.

— Если это человек с часами, скажи ему, что сегодня у меня приём только для неизвестных механизмов, — крикнул

Елисей.

— Тогда я по адресу, — ответила Аврора.

Она вошла, стряхивая с плаща мелкий дождь. Аврора держала в соседнем переулке антикварную лавку и разбиралась в старых часах лучше многих мастеров. Она покупала испорченные вещи, находила им новых владельцев и умела отличить подлинную старину от искусственно состаренной за несколько секунд. Елисей не раз просил её помощи, хотя каждый раз уверял себя, что обращается только за дополнительным мнением.

— Ты сказал, что нашёл кое-что, — произнесла она, заметив раскрытые каталоги. — И в голосе было столько осторожности, будто ты собираешься сообщить, что купил весь квартал.

— Я нашёл часы. Но пока не знаю, какие.

— Вот это уже звучит разумно.

Елисей развернул к ней подкладку. Аврора не потянулась сразу к механизму. Сначала обошла верстак, посмотрела на корпус с двух сторон, затем наклонилась к стеклу.

— Где ты его взял?

— Под половицей в мастерской. Завёрнутым в ткань. Ни бирки, ни коробки.

— И никаких отметок?

— Ни клейма, ни имени владельца. Даже следа от снятой таблички нет.

Аврора сняла перчатки и осторожно коснулась обода ног-

тем.

— Не трогай пока, — сказал Елисей.

— Я не трогаю. Слушаю.

Он хотел возразить, но промолчал. Аврора поднесла лупу, разглядывая гравировку. По ободу шёл повторяющийся узор из коротких линий и крохотных дуг. Они напоминали волны, если смотреть на них издалека, и просто аккуратные насечки, если приблизиться.

— Кто сделал такую работу, знал, что её будут рассматривать, — сказала она.

— Или хотел, чтобы мы так подумали.

— Это тоже возможно. Но сначала не будем придумывать мастера, который оставил нам послание.

Она повернула корпус, изучила шов между бронзой и стеклом.

— Странно, — сказала Аврора.

— Что именно?

— На бронзе есть патина. Поверхность потемнела естественно, неравномерно. Но я не вижу обычных следов износа.

Елисей протянул ей лупу побольше.

— Покажи.

Аврора указала на тонкую втулку возле одного из колёс.

— Если бы она долго работала, здесь была бы полированная дорожка. И на зубьях. И у креплений. Металл должен был тереться о металл. А здесь всё выглядит так, будто ме-

ханизм старел, но почти не работал.

— Его могли разобрать и почистить.

— Могли. Только тогда остались бы другие следы. Сколы на винтах, царапины от инструмента, повреждённые грани. Их тоже нет.

Елисей наклонился над корпусом. Теперь, когда Аврора указала на втулку, он увидел гладкую поверхность без привычного блеска от долгой работы. На бронзе хватало мелких царапин, но они не складывались в рисунок повседневного использования.

— Значит, он очень старый и почти не ходил, — сказал он.

— Значит, мы видим старую бронзу без заметного обычного износа, — поправила Аврора. — Это не одно и то же.

Елисей усмехнулся.

— Ты всегда так говоришь?

— Когда вижу, как человек перескакивает от наблюдения к красивой истории, да.

Она сказала это без насмешки. Елисей почувствовал укол профессиональной гордости и тут же узнал его: знакомое желание доказать, что он способен решить задачу один, без правок и подсказок. Он взял журнал и на отдельной строке записал: «На трущихся поверхностях нет видимых следов обычного износа». Не «часы не работали». Не «их сделали вчера». Только то, что можно было показать другому человеку.

— Лучше, — сказала Аврора, взглянув на запись.

Елисей взял небольшую мягкую кисть и принялся очищать корпус от пыли. Он двигался медленно, снимая налёт с углублений, не касаясь колёс. Пыль оказалась сухой и лёгкой. Её было меньше, чем должно было накопиться в вещице, пролежавшей под досками неизвестно сколько лет.

Вскоре на бронзе проступила гравировка. Тонкие линии пересекались, огибали обод и исчезали возле застёжки. Елисей смахнул последние крупинки пыли, затем сделал несколько снимков: общий вид, верхний обод, расположение деталей, отдельные участки гравировки. Он положил рядом миллиметровую линейку, чтобы на фотографиях сохранился масштаб.

— Ты собираешься отправить снимки кому-нибудь? — спросила Аврора.

— Сначала хочу понять, что именно фотографирую.

— Это хороший порядок.

Он открыл изображение на экране. Камера поймала детали лучше, чем глаз: мелкие выемки, два почти незаметных винта, глубокую тень возле нижнего моста. Но даже на увеличенном снимке ни один знак не походил на клеймо. Узоры были слишком последовательными, чтобы считать их случайными, и слишком необычными, чтобы уверенно назвать орнаментом.

Елисей достал штангенциркуль. Диаметр корпуса составил сто восемьдесят шесть миллиметров. Толщина — двадцать девять. Он измерил расстояние между креплениями,

ширину одного из мостов, длину доступной оси. Записывал цифры рядом с простыми схемами.

На третьем измерении он замер.

— Что? — спросила Аврора.

— Вчера я получил здесь семнадцать и четыре десятых. Сейчас — семнадцать и одна.

— Ты мог поставить губки под другим углом.

— Мог.

Он повторил измерение. Семнадцать и две. Поджал губки ещё раз, следя, чтобы они прилегали ровно. Семнадцать и четыре.

— Металл остыл? — предположила Аврора.

Елисей поднял глаза. Он сам собирался сказать что-то похожее, но не был уверен, что температура объясняет разницу. Штангенциркуль показывал одну и ту же величину на стальной линейке. Корпус лежал неподвижно.

— Может быть, я плохо измерял вчера, — сказал он.

— Запиши, что сегодня получилось три показания. Не выбирай то, которое тебе больше нравится.

В журнале он отметил все три значения и добавил: «Причина разброса не установлена». Ему не нравилась такая запись. Она выглядела незаконченной. Но ведь именно так всё и было.

— Ты ведь не назовёшь это сенсацией? — спросил он.

— Конечно, нет.

— Даже если окажется, что размеры меняются?

— Ты пока не знаешь, меняются ли размеры. Ты знаешь, что трижды получил немного разные показания. Если хочешь хорошую историю, можешь придумать её уже сейчас. Если хочешь понять механизм, придётся подождать.

Елисей снова посмотрел на корпус. Разница в несколько десятых миллиметра была слишком мала, чтобы объявлять о чуде, и слишком заметна, чтобы притвориться, будто он её не видел. Ему захотелось измерить всё заново, пока цифры не станут равными. Он даже взял инструмент, но остановился.

— Позвоним в лавку? — предложил он.

— Я уже здесь, — напомнила Аврора. — Но если хочешь, позвони кому-нибудь, кто не будет тебе поддакивать.

— Пожалуй, таких у меня достаточно.

— Тогда начни с тех, кто может знать корпуса.

Он перелистал каталог торгового дома, выпущенный в конце прошлого века, потом открыл справочник по морским приборам. Аврора помогала искать не имя, а отдельные признаки. Они проверяли устройство барабанов, крепление пружины, форму винтов и положение осей. Похожие детали находились, но всякий раз одна из них оказывалась не на месте.

— Вот этот узел напоминает регулятор корабельных часов, — сказала Аврора.

— Только здесь нет компенсационного маятника.

— А вот крепление похоже на астрономический прибор.

— Но корпус для такого прибора слишком мелкий.

— Значит, пока у нас две похожие детали и ни одного на-

звания.

Елисей отложил книгу. От этого простого вывода ему стало легче, чем от всех найденных совпадений. Он заметил, что всё утро пытался загнать механизм в подходящую категорию, будто от названия зависело, можно ли к нему прикоснуться. Но часы не становились понятнее от того, что он называл их морскими, карманными или астрономическими.

Аврора подвинула лампу и попросила его повернуть корпус.

— Подожди, — сказала она.

Внизу, за двумя шестернями, открылась узкая полость. Елисей прежде принимал её за тень от моста. Теперь, при боковом свете, он увидел две маленькие опоры и выточенную площадку между ними. На площадке не было детали. Не было и следа от сломанного крепления.

— Для чего здесь место? — спросила Аврора.

— Не знаю.

Он произнёс это быстрее, чем успел заменить слова каким-нибудь предположением.

— Ты можешь определить, что сюда ставили? — спросила она.

Елисей осмотрел полость через лупу. Площадка была слишком ровной для случайной пустоты. Две опоры располагались на одинаковом расстоянии от центра. На боку виднелись три мелкие насечки, словно они удерживали деталь особой формы.

— Тут должна быть часть узла, — сказал он. — Но я не нахожу ей места ни на одном чертеже.

— А если это не часть привычного узла?

— Тогда мне нужен новый чертёж.

Он сделал ещё одну фотографию, затем поискал в каталогах схемы, где можно было увидеть подобное крепление. Нашёл колёсные пары с дополнительной опорой, детали для календарных часов, механизм музыкального боя. Ничего не подходило. В стандартных конструкциях пустое место чаще всего означало, что деталь сняли. Здесь же всё вокруг выглядело завершённым: ни сорванной резьбы, ни следов удара, ни обломков.

— Может быть, деталь утрачена, — сказал Елисей.

— Может быть.

— Но следов утраты нет.

— Это тоже наблюдение.

Она не подтолкнула его к выводу, и он был ей за это благодарен. Одно время Елисей считал хорошим мастером того, кто быстрее остальных находил ответ. Теперь он начал подозревать, что иногда мастерство проявлялось в способности не подменять ответ догадкой.

Он поднёс к стеклу термометр, потом убрал. У него не было причины измерять температуру стеклянной пластины. И всё же, когда он коснулся её пальцем, стекло оказалось тёплым.

— Лампа? — спросила Аврора.

Елисей отодвинул корпус от света. Они подождали несколько минут. Он коснулся края стекла снова. Тепло не исчезло.

Аврора подняла бровь.

— Записывай ощущение, а не объяснение.

Елисей открыл журнал на чистом поле.

«Стекло при касании теплее бронзового обода. Источник тепла не установлен. Проверить при выключенной лампе».

— Вот теперь это можно проверить, — сказала Аврора.

Она собралась уходить, когда на улице начали зажигаться фонари. У двери остановилась и обернулась.

— Не называй его загадочным, пока не поймёшь, что именно тебя в нём смущает.

— А если оно и есть загадочное?

— Тогда ты не потеряешь это слово. Но, может быть, к тому времени найдёшь слова точнее.

После её ухода Елисей снова уселся за верстак. Он просмотрел записи за день. Диаметр, толщина, несколько непоследовательных измерений. Отсутствие клейма. Пatina без заметного износа. Пустая площадка под деталь, которой не было в известных ему схемах. Тёплое стекло. Под каждым наблюдением стояло то, что он пока не мог объяснить.

В верхней части страницы он написал: «Часы без имени».

Рука привычно потянулась добавить рядом подходящую категорию, хотя бы вопросительный знак после слова «морские». Елисей остановил её. Ниже оставил пустую строку,

затем ещё одну. Не потому, что у него закончились слова, а потому, что пока не было честных слов для продолжения.

Он накрыл механизм стеклянной крышкой и выключил лампу. В темноте мастерской корпус почти исчез, но на стекле осталась тонкая полоска света. Она медленно сдвинулась по дуге, словно отражение качнулось вместе с водой, хотя окно было закрыто, а воздух неподвижен.

Елисей не стал вытирать стекло. Он только посмотрел на журнал, где впервые оставил место не для ответа, а для следующего наблюдения.

Первый прилив под стеклом

Полоска света сдвинулась ещё на ширину ногтя и остановилась у края стеклянной крышки.

Елисей не сразу понял, что задержал дыхание. В мастерской было тихо: часы на стене показывали без четверти двенадцать, за окном редкие машины шуршали по мокрому асфальту, хотя дождя не было. Лампа над столом оставалась выключенной. Свет шёл от луны — бледный, рассеянный, он просачивался между крышами и ложился на стол косой полосой.

Елисей посмотрел на окно. Оно было закрыто. Он проверил защёлку, провёл пальцами по раме: сухо, никаких щелей. Затем вернулся к столу и наклонился над часами.

Синие тени в пустом месте механизма казались гуще, чем минуту назад. Он знал, что это могло быть простым отражением, игрой света на неровном стекле. Знал и то, что устал: глаза после долгой работы начинали дорисовывать то, чего не было. Это были разумные объяснения, и именно поэтому он решил проверить их по порядку.

Он включил лампу.

Полоска пропала. Осталась обычная поверхность стекла: тёплая, слегка запылённая, с отпечатком большого пальца у края. Елисей взял чистую салфетку и протёр крышку. Затем выключил лампу. Лунный свет вернулся, но полоска не по-

являлась.

Он передвинул лампу на другой край стола, включил и выключил её снова. Проверил положение занавески, повернул механизм на несколько градусов. Ничего. Всё выглядело буднично, почти обидно буднично. Елисей уже собирался отойти, когда услышал плеск.

Не громкий. Не похожий на звук воды в трубе или капли в жестяной раковине. Скорее лёгкое касание волны о каменную ступень.

Елисей замер.

Звук пришёл из-под стеклянной крышки.

Он отдернул руку, хотя до часов было ещё несколько сантиметров. В груди коротко и неприятно сжалось. Он выпрямился и посмотрел на дверь мастерской, словно кто-то мог стоять снаружи и объяснить услышанное. Дверь была закрыта. В соседнем помещении не горел свет.

— Устал, — произнёс он вслух.

Голос прозвучал неубедительно. Елисей услышал в нём не объяснение, а просьбу ничего больше не замечать.

Он снова наклонился к столу.

На циферблате двигалась минутная стрелка. Медленно, почти неслышно, она ползла от отметки без пяти двенадцать к двенадцати. Елисей не помнил, чтобы заводил часы. Более того, он был уверен, что механизм не шёл: до этого стрелки несколько часов оставались неподвижными, пока он чистил открытые детали, осматривал ось и пытался понять, почему

свободное гнездо в платине выглядит так, будто из него вынули важную часть.

Он посмотрел на секундную стрелку. Та не двигалась.

Елисей потянулся к журналу. Рука дрогнула, и карандаш скатился на пол. Он поднял его, открыл страницу, где оставил пустые строки, и написал:

«23:48. Лампа выключена. В мастерской тихо. Минутная стрелка перемещается. Секундная стоит. Стекло сухое снаружи».

Рука сама хотела дописать: «Вероятно, отражение». Елисей остановился. Он записал только то, что видел, и оставил объяснение за пределами строки.

Прежде чем открыть механизм, он провёл пальцем по внешнему стеклу. Сухо. Прижал к поверхности маленькую полоску промокательной бумаги и подержал несколько секунд. На бумаге не осталось ни пятна, ни влажного следа. Потом осмотрел стык крышки с деревянным основанием. Ни щели, ни свежего потёка. Он даже поднёс к краю тонкую бумажную полоску, проверяя, не тянет ли изнутри воздух. Бумага не шевельнулась.

Плеск повторился.

На этот раз Елисей услышал его яснее, и вместе со звуком заметил под стеклом слабое движение синей тени. Она скользнула по циферблату, как отражение облака по воде.

Он снял очки и протёр стёкла. Надел снова. Синяя тень осталась.

С тех пор как часы попали к нему, он трижды разбирал механизм и дважды чистил его обычным способом: мягкой кистью, деревянной палочкой и каплей масла там, где это было необходимо. Пыль и старую смазку удалось убрать. Но часы не пошли. В пустом гнезде ничего не появилось, а стрелки не подчинились ни заводной головке, ни нажиму на ось. Елисей привык считать хорошую чистку первым шагом к пониманию. Здесь этот шаг не помог.

Он поднял крышку, осторожно, обеими руками. Ничего не капнуло. Металл был сухим. На латунных зубцах не блестела влага, не было ни ржавчины, ни налёта. Елисей направил на механизм карманный фонарь и осмотрел каждое соединение. Чисто. Он уже собирался закрыть часы, когда его взгляд остановился на циферблате.

Под стеклом, поверх белой эмали, поднялась тонкая синяя дуга.

Её нельзя было принять за царапину. Она двигалась. Сначала медленно, почти незаметно, потом стала шире и темнее. В глубине циферблата дрогнула поверхность, и по ней прошла едва различимая рябь.

Елисей резко отступил. Стул задел его колено и качнулся. Он поймал его за спинку, не сводя глаз с часов.

Ему захотелось немедленно накрыть механизм крышкой, задвинуть в ящик, запереть мастерскую и утром объяснить всё отражением, нагревом стекла, бессонной ночью. Но он уже знал, что делать, когда не понимаешь происходящего:

сначала не мешать фактам становиться видимыми.

Он вернулся к столу.

— Не трогай, — сказал он себе и поставил рядом журнал.

На этот раз в записи появились время и стрелки. Елисей посмотрел на настенные часы: 23:53. Затем на старинный циферблат: минутная стрелка остановилась на отметке двенадцать, хотя по настенным часам до полуночи оставалось семь минут. Секундная стрелка всё так же стояла.

Он включил лампу, затем выключил. Синяя дуга не исчезла. Повернул механизм к окну — движение на циферблате сохранилось. Подвинул фонарь, изменяя угол света. Рябь не повторила ни одного из его движений.

Внутри часов поднялась вода.

Она не хлынула и не ударила в стекло. Поднялась неторопливо, словно прилив, которому незачем торопиться. Сначала вода собралась у нижнего края циферблата, в тонкой полосе между цифрами и ободком. Потом затопила нижние отметки, не размывая их и не отрываясь от поверхности. Маленькая волна прошла под минутной стрелкой, обогнула её и продолжила путь.

Елисей почувствовал, как холодеют ладони. Он упёрся пальцами в край стола, чтобы не отступить снова.

Под стеклом стоял настоящий океан. Не весь, разумеется, не тот, который можно увидеть с берега. Но вода была водой: тёмно-синей, живой, с глубиной, в которой отражалось что-то серебряное. По её поверхности шли складки света. Где-то

далеко, в тесноте часового корпуса, плескалась волна.

Снаружи циферблат оставался сухим.

Елисей проверил это ещё раз, уже не ради сомнения, а чтобы удержать себя в настоящем. Коснулся стекла салфеткой. Ткань осталась сухой. Он приложил к нему ладонь и ощутил только прохладу.

Из часов донёсся новый звук — мягкий, низкий, почти домашний. Так море касается борта лодки, если человек проснулся раньше рассвета и сидит один, не зная, хочет ли услышать ответ.

Он хотел отпрянуть. Вместо этого придвинулся ближе.

На поверхности поднялась следующая волна. Елисей отследил её глазами: вода дошла до центра циферблата, коснулась кончика часовой стрелки и разошлась вокруг него. Стрелка дрогнула. Минутная переместилась на одно деление. Секундная, которая прежде стояла неподвижно, сделала короткий рывок и замерла.

Елисей записал:

«23:56. Вода видна под стеклом, движется от нижнего края к центру. Наружная поверхность сухая. Минутная стрелка прошла одно деление. Секундная — один скачок. Звук похож на плеск».

Он перечитал написанное. Ни слова «невозможно», ни слова «сон». Только то, что можно было снова проверить.

Волна приближалась к верхнему краю циферблата. Казалось, сейчас она ударится о стекло и разобьёт его, но этого не

произошло. Она поднялась, задержалась, и её гребень стал тонким, прозрачным. На мгновение Елисею показалось, что под стеклом виден ночной горизонт. Где-то на нём мерцали точки, похожие на далёкие огни судов. Он моргнул. Точки исчезли, но вода осталась.

Он не стал искать в этих огнях смысл.

Вместо этого проверил крышку, корпус, шов у основания. Пронёс фонарь вдоль соединений, осмотрел их под разными углами. На дереве не было потёков. Никакая капля не стекала со стола. Воздух оставался неподвижным. Звук плеска не менялся, когда Елисей поворачивал корпус, не становился громче возле пустого гнезда, не подчинялся привычной логике механических деталей.

Он выключил настольную лампу.

В темноте вода стала глубже. Лунный свет лёг на стекло и больше не напоминал отражение. Елисей видел, как по циферблату медленно проходит рябь, как поверхность поднимается к цифре шесть, затем тянется вверх. Он записал время: 00:02. Положение стрелок: минутная на третьем делении после двенадцати; часовая почти у двенадцати; секундная неподвижна. Звук: два коротких плеска, затем пауза. Корпус: сухой.

Писать было трудно. Карандаш скользил в пальцах, ладонь вспотела. Но каждое слово возвращало ему опору. Не уверенность, не объяснение, а опору: вот стол, вот журнал, вот время, вот движение, которое он наблюдает.

Новая волна поднялась выше прежней. Гребень прошёл вдоль верхней части циферблата и не разбил его. Вода на миг закрыла цифры, но те проступали сквозь толщу, чёткие, будто нанесённые на стекло. Затем волна замедлилась. Её поверхность выровнялась, и вся синяя глубина начала отступать.

Прилив уходил так же неторопливо, как пришёл. Вода сползала с циферблата, оставляя за собой не капли, а мерцающую темноту. Последняя тонкая полоса задержалась у нижнего края. Елисей ждал, не моргая. Через несколько секунд она исчезла.

В мастерской стало тихо.

Он посмотрел на часы. Циферблат был сухим, стрелки неподвижны. Стекло снаружи не треснуло. В механизме не дрогнула ни одна шестерёнка. Только на внутренней стороне стекла, ближе к отметке четыре, что-то маленькое поблёскивало.

Елисей снял крышку и не сразу решился коснуться стекла. Потом, пользуясь часовым пинцетом, осторожно приподнял то, что лежало на внутренней поверхности. Это была крошечная раковина — бледная, величиной с ноготь мизинца. Её витки были почти невидимы, но чёткие. На одном краю блестела тонкая капля, хотя вокруг всё оставалось сухим.

Елисей держал раковину пинцетом и ощущал, как дрожит рука. Он положил её в чистую стеклянную чашку для мел-

ких деталей. Не в мусор, не на полку с образцами, не в карман. В отдельную чашку, подальше от масла и металлической стружки.

Затем вернулся к журналу и записал время отлива. Добавил: «После прекращения движения обнаружена раковина на внутренней стороне стекла. Наружная сторона сухая. Сохранена отдельно».

Он не написал «доказательство». Это слово звучало слишком окончательно. Он ещё не знал, что именно подтверждает раковина, откуда она взялась и что ему делать с часами. Но теперь у него было не только воспоминание о ночном плеске. Был предмет, который можно было рассмотреть утром, измерить, сфотографировать, сравнить с любыми известными ему раковинами.

Елисей накрыл механизм стеклянной крышкой. На этот раз его рука двигалась медленно, не от страха, а из осторожности. Он подвинул лампу, проверил, не касается ли её провод корпуса, и поставил чашку с раковиной рядом с журналом.

Когда он наклонился, чтобы закрыть книгу, из пустого гнезда в механизме донёсся сухой щелчок. Не плеск, не скрип и не стук маятника. Один короткий звук, будто маленький зубец коснулся другого зубца там, где, согласно его схемам, не должно было быть ничего.

Елисей поднял голову.

Стрелки не двигались. Вода не возвращалась. Он отметил

щелчок отдельной строкой, а рядом нарисовал пустое гнездо, тщательно обозначив его края. Потом закрыл журнал, оставив раковину на виду.

Этой ночью он не получил ответа. Но впервые понял, что внимательное наблюдение не обязано немедленно превращаться в разгадку. Иногда достаточно не отвернуться, не броситься вмешиваться и сохранить то, что действительно произошло.

Шестерня, которой не было на чертеже

Утром Елисей вошёл в мастерскую с журналом под мышкой и сразу посмотрел на часы.

Стрелки отставали на девять минут.

Он сверил время с карманным хронометром, потом ещё раз, уже не доверяя собственному взгляду. Разница не изменилась. За стеклом, под циферблатом, вода стояла выше вчерашней отметки: тонкая серебристая полоса пересекала внутреннюю стенку корпуса почти у цифры «четыре». Прилив прошёл ночью. Теперь вода медленно отступала, оставляя на стекле мутный след.

Елисей положил журнал на верстак и открыл страницу с записью о щелчке. Рядом с нарисованным пустым гнездом стояла дата, время и короткая фраза: «Один сухой щелчок. Стрелки неподвижны. Вода не возвращается». Он провёл пальцем по краю рисунка, но карандаш не коснулся бумаги.

— Сначала схема, — сказал он вслух.

Голос в пустой мастерской прозвучал так, будто он отдавал распоряжение ученику, которого давно следовало уволить.

Чертёж лежал в плоском ящике под столом. Елисей развернул его на свободном краю верстака и прижал углы ла-

тунными грузиками. Бумага пожелтела, линии местами поблекли, но устройство часов он знал почти наизусть: зубец за зубцом, ось за осью, винт за винтом. Вчерашнее гнездо было отмечено на чертеже чистым кругом. Никакой детали там не значилось.

Он осмотрел механизм, не открывая корпуса. Проверил подвес маятника, прислушался к ходу, осторожно коснулся пальцем груза, чтобы убедиться, что тот свободно качается. Тик-так. Тик-так. Между ударами было что-то неровное, едва заметное, как пауза в чужой фразе.

Елисей наклонился ближе. На верхнем краю корпуса блесла капля солёной влаги. Он промокнул её чистой тканью и отметил в журнале: «Отставание — девять минут. Вода выше ночной черты. Капля на внешней стороне крышки». Писал медленно, без догадок. Чернила легли ровно.

Потом он достал белую хлопчатую ткань и разложил её на столе. На такой поверхности даже крошечный винт был заметен сразу. Елисей провёл мелом две тонкие линии, разделив ткань на квадраты, и подписал их маленькими табличками: «крышка», «мост», «колёса», «спуск». Рядом поставил неглубокие чашечки для винтов. Каждую намеревался положить в тот же квадрат, где она находилась в механизме.

Он обвёл на бумаге контур часов и отметил положение корпуса относительно лампы. Потом зарисовал видимые детали, проставил номера и только после этого снял заднюю крышку.

Внутри пахло старым маслом, пылью и морем. Последний запах был сильнее, чем вчера. Елисей задержал дыхание, прислушиваясь. Механизм тикал, а где-то за ним тихо перекатывалась вода. Может быть, это звук стекал по внутренней стенке. Может быть, не вода. Он не стал решать.

Первый винт вышел легко. Второй упирался, и Елисей не стал давить: капнул масла, подождал, попробовал снова. Винт поддался. Он положил его в квадрат «крышка», рядом с рисунком, и отметил направление шлица. Затем снял верхнюю пластину, предварительно зарисовав, какая её сторона обращена к циферблату.

Работал он медленно, но не медлил. Пинцет. Маленькая отвёртка. Латунный крючок. Каждое движение имело своё место, и каждое снятое колесо ложилось на ткань так, чтобы его положение можно было восстановить без угадывания. Когда он вынимал очередную ось, то отмечал, куда она смотрела, а когда снимал мост, записывал, какая пружина оставалась под напряжением. Холодные детали цеплялись за подушечки пальцев.

— Здесь, — пробормотал он, остановившись у пустого гнезда.

На схеме круг был пуст. В механизме тоже не было оси, подшипника или зазубрин, которые указывали бы на привычную передачу. Но на дне гнезда виднелась крошечная блестящая точка. Елисей направил туда лампу.

Точка оказалась зубцом.

Он замер. Потом переставил лампу, приблизил лупу и медленно снял тень с гнезда. В нём лежала шестерня.

Елисей не услышал, как она появилась. Никто не мог сказать, когда она оказалась внутри. Вчера вечером он видел пустое место, а потом услышал щелчок. Утром деталь лежала на дне выемки, словно всегда принадлежала этому механизму и лишь ждала, пока он посмотрит внимательнее.

Она была чуть меньше ногтя. Тёмная, почти синяя, с тонкими зубцами, в которых застряли несколько капель воды. Елисей не коснулся её сразу. Сначала зарисовал положение и расстояние до ближайшей оси. Потом сделал пометку: «Новая деталь в гнезде. До этого гнездо пустое. Осмотрена через лупу».

Только после этого взял пинцет.

Шестерня оказалась тяжелее, чем он ожидал. Её поверхность не была ни латунной, ни стальной: металл отливал холодным серым, а по краям зубцов мерцала синеватая полоска. Елисей поднёс к ней магнит. Ничего. Приложил штангенциркуль, измерил диаметр, толщину, центральное отверстие, сосчитал зубья.

Девятнадцать.

В чертеже ближайшего колеса было двадцать два. Посадочного места для новой шестерни не существовало. Отверстие в её центре было немного смещено, словно деталь задумали вращать не вокруг оси, а вокруг чего-то другого. Она не подходила ни по размеру, ни по материалу, ни по форме.

Елисей проверил измерения ещё раз и записал все цифры.

Снова посмотрел на пустой круг чертежа.

Его беспокойство не исчезло, но теперь к нему примешалось раздражение. Часы отставали. Вода поднялась. Внутри появилась деталь, которой не было на схеме. Он знал, как поступают с несоответствием: находят причину, возвращают правильную передачу, устраняют лишнее.

Шестерня лежала на белой ткани и не собиралась объясняться.

Елисей повернул её в пальцах, изучая зубцы. На одном из них обнаружилась тонкая светлая полоса. След от контакта. Он поднёс деталь к гнезду, чтобы понять, с чем она могла соприкоснуться, но не отпускал пинцет.

— Ты должна куда-то встать, — сказал он.

Это прозвучало скорее как упрёк, чем как вопрос.

Между гнездом и ближайшим колесом проходила короткая ось. Она подходила по высоте почти точно. Почти. Елисей прикинул расстояние и решил, что отверстие в новой детали могло деформироваться от сырости. Если аккуратно надавить, шестерня сядет на ось. Зубья войдут в зацепление с соседним колесом, и механизм снова обретёт привычный порядок.

Он видел, что размеры не совпадают. Видел, что отверстие смещено. Но уже мысленно поправил чертёж, не имея на то ни одной причины.

Елисей взял деревянный толкатель. Не сталь, не отвёртку

— мягкую древесину, чтобы не поцарапать металл. Подвёл шестерню к оси. Деталь упёрлась. Он убрал руку, посмотрел на отверстие, на ось, на схему. В пустом гнезде всё было таким, как и вчера, кроме самой шестерни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.